

Солнечный свет пробивался в спортзал по косой, окрашивая деревянный пол в теплые тона. Гулкое эхо ударов баскетбольного мяча и звонкий смех подростков сливались в привычный шум. У Совэй, облаченный в простую черную майку и шорты, рассеянно сжимал в руках мяч. Его мысли были далеки от игры: взгляд намертво приклеился к входу в зал, и сам он, словно вросшее в землю дерево, с нетерпением ждал одного-единственного человека.

Несколько парней, игравших неподалеку, звали его в команду, но он, даже не обернувшись, отмахивался:

— Не сегодня, я жду кое-кого.

Это был уже третий день, как он приходил сюда. Одному богу известно, сколько денег он выложил за этот чертовски дорогой зал, только чтобы выследить Чи Чена!

Каждый день сразу после занятий он мчался сюда, занимал площадку ближе всего к выходу и почти не выпускал мяч из рук, а в голове крутилось лишь одно имя: Чи Чен.

В прошлой жизни именно в этом зале он бесчисленное множество раз наблюдал за тем, как Чи Чен обливается потом, как после удачного броска запрокидывает голову, чтобы сделать глоток воды. То, как играл его кадык, казалось чем-то до безумия сексуальным, от чего невозможно было отвести взгляд. Возможно, именно тогда он и попал в сети обаяния Чи Чена.

Солнце постепенно клонилось к закату. Люди в зале сменялись, шум постепенно стихал, а тень У Совэя растянулась по полу длинным темным пятном. Он бросил взгляд на телефон: половина седьмого. Похоже, сегодня он снова не дождетсЯ. С легким разочарованием в душе он подобрал мяч и уже собрался уходить.

Именно в этот момент у входа в зал послышалось легкое оживление.

Сердце У Совэя пропустило удар. Он резко обернулся.

Чи Чен пришел.

На нем был белоснежный спортивный костюм, на лбу — черная повязка. Пот стекал по его волосам, скатываясь по высокому лбу и четкой линии челюсти, пропитывая воротник. Он стоял прямо, как сосна, и каждый его шаг был пропитан небрежной уверенностью, но от этого он выглядел лишь еще более ошеломляюще. Это был тот самый образ, в точности как в его воспоминаниях.

Однако взгляд У Совэя скользнул мимо этой вызывающей позы и безошибочно уловил затаенную печаль в глубине его глаз. Это была тоска, въевшаяся в самую кость, словно скрытая за дымкой тумана, которую невозможно развеять. За его показным безразличием скрывалось нечто такое, чего невозможно было заметить, если не присмотреться.

Сердце У Совэя сжалось от острой, пронзительной боли.

Нынешний Чи Чен все еще был заперт в ловушке двойного предательства Ван Шо и Го Чэньюя. Один — когда-то горячо любимый любовник, другой — брат, с которым он рос с самого детства. Вместе они нанесли ему самый жестокий удар, заставив полностью разочароваться в чувствах и доверии. Поэтому он и окутал себя броней холодности, плотно заперев свое сердце.

Чи Чен не заметил, что за ним наблюдают из угла. Он прошел в центр площадки, машинально принял мяч, брошенный кем-то из знакомых, и ловко закрутил его на кончиках пальцев. Но в его движениях уже не было прежнего задора, даже ведение мяча казалось рассеянным.

Он небрежно стучал мячом, лениво оглядывая зал, но, когда его взгляд скользнул в определенном направлении, он замер.

Этот слишком прямой взгляд обжигал его кожу, словно пламя.

Чи Чен поднял глаза.

В углу стоял стройный подросток. Черная майка подчеркивала его крепкую талию, а лучи закатного солнца, падавшие на лицо, делали его черты еще более выразительными. Особенно выделялись глаза — словно горные ручьи, чистые и прозрачные до самого дна, пугающе искренние, без тени мирской фальши. Но в этой чистоте бурлили сложные чувства: нескрываемая обида, осторожное сострадание и еще что-то... любовь, такая сильная, что она вот-вот готова была выплеснуться наружу.

Эта любовь была настолько чистой и горячей, лишенной всяких примесей, что она ударила прямо в сердце Чи Чена, заставив его в замешательстве замереть.

Он нахмурился, мучительно пытаясь вспомнить, не встречал ли он этого парня раньше, и был уверен, что нет. Но почему-то, глядя в эти глаза, он почувствовал, как в ледяную гладь его души бросили маленький камешек, пустивший по ней круги ряби.

Чи Чен перестал вести мяч. Его взгляд, полный любопытства и едва уловимого замешательства, был прикован к У Совэю. Он повидал слишком много людей, приближавшихся к нему с корыстными целями, слишком много фальшивой лести, но эмоции в этих глазах были настолько подлинными, что игнорировать их он не мог.

От такого пристального внимания сердце У Совэя забилось быстрее, щеки слегка зарделись. Но он не отвел взгляд, напротив, встретил его в упор, закусив губу, а чувства в его глазах стали лишь глубже.